V 1974

8 2 7

ТУ 19—32—73

1

3

студия
ДИАФИЛЬМ

Виктор Драгунский

Сверху вниз наискосок

Художник Г. Мазурин

В то лето, когда я ещё не ходил в школу, у нас во дворе был ремонт. Повсюду валялись кирпичи и доски, а посреди двора высилась огромная куча песку.

И мы играли на этом песке в „разгром фашистов под Москвой", или делали куличики, или просто так играли ни во что.

Нам было очень весело всё это время, и мы подружились с рабочими и даже помогали им ремонтировать дом.

Один раз я принёс слесарю дяде Грише полный чайник кипятку,

а второй раз Алёнка показала монтёрам, где у нас чёрный ход. И мы ещё много помогали, только сейчас я уже не помню всего.

А потом ремонт стал заканчиваться, рабочие начали уходить один за другим, дядя Гриша попрощался с нами за руку, подарил мне тяжёлую железку и тоже ушёл.

И вместо дяди Гриши во двор пришли три девушки. Они были очень красиво одеты: носили длинные штаны, измазанные разными красками, и совершенно твёрдые. Когда эти девушки ходили, штаны на них гремели, как железо на крыше.

А на головах девушки носили шапки из газет, и это тоже было очень красиво. Эти девушки были маляры и назывались: бригада.

Они были очень весёлые и ловкие: любили смеяться и всегда пели песню: „Ландыши, ландыши“. Но я эту песню не люблю. И Алёнка. И Мишка тоже не любит.

Зато мы все любили смотреть, как работают девушки-маляры и как у них получается складно и аккуратно.

Мы знали по именам всю бригаду. Их звали Санька, Раечка и Нелли. И однажды мы к ним подошли, и тётя Саня сказала: „Ребятки, сбегайте кто-нибудь и узнайте, который час". 12

Я сбегал, узнал и сказал: „Без пяти двенадцать, тётя Саня“...

– Шабаш, девчата! Я в столовую! – и пошла со двора. И тётя Раечка и тётя Нелли пошли тоже обедать.

А бочонок с краской оставили. И резиновый шланг тоже. Мы сразу подошли ближе и стали смотреть на стену, где они только сейчас красили. Было очень здорово, ровно и коричнево, с небольшой краснотой.

Мишка смотрел-смотрел, потом говорит: „Интересно, а если я покачаю этот насос, краска пойдёт?“

Алёнка говорит: „Спорим, не пойдёт“. – Тогда я говорю: „А вот спорим, пойдёт!“

Тут Мишка говорит: „Не надо спорить. Сейчас я попробую. Держи, Дениска, шланг, а я покачаю“.

И давай качать. Раза два-три качнул, и вдруг из шланга побежала краска! Она шипела, как змея, как оденолон в парикмахерской.

Мишка обрадовался и как закричит: „Крась скорей! Скорей крась что-нибудь!"

Я сразу взял и направил шланг на чистую стенку, краска стала брызгаться, и там сейчас же получилось светло-коричневое пятно, похожее на паука.

– Ура! – закричала Алёнка. – Пошло! Пошло-поехало! – И подставила ногу под краску.

Тут же, прямо у нас на глазах, на ноге не стало видно ни синяков, ни царапин! Наоборот, Алёнкина нога стала гладкая, коричневая, с блеском, как новенькая кегля.

Мишка кричит: „Здорово получается! Подставляй вторую!" — И Алёнка живенько подставила вторую ногу, а я моментально покрасил её сверху донизу два раза.

Тогда Мишка говорит: „Люди добрые, как красиво! Ноги совсем как у настоящего индейца! Крась же её скорей!" – Я спрашиваю: „Всю? Всю красить? С головы до пят?"

Тут Алёнка прямо завизжала от восторга: „Давайте, люди добрые! Красьте с головы до пят! Я буду настоящая индейка!“ 26

Тогда Мишка прриналёг на насос и стал сильно качать, а я стал Алёнку поливать красной.

Я замечательно её покрасил, и стала она вся коричневая, только волосы белые торчат. Я спрашиваю: „Мишка, как думаешь, а волосы красить?"

Мишка отвечает: „Ну, конечно, крась! Быстрей давай!“ – И Алёнка торопит: „Давай, давай и волосы давай! И уши!“

Я быстро закончил её красить и говорю: „Иди, Алёнка, на солнце пообсохни! Эх, что бы ещё покрасить?“

А Мишка: „Вот, видишь, наше бельё сушится? Скорей давай крась!“

Ну, с этим-то делом я быстро справился! Два полотенца и Мишкину рубашку я за какую-нибудь минуту так покрасил, что любо-дорого смотреть было!

А Мишка прямо вошёл в азарт, качает насос, как заводной. И только покрикивает: „Крась давай! Скорей давай! Вон и дверь новая на парадном, давай, давай, быстрее крась!“

И я перешёл на дверь. Сверху вниз! Снизу вверх! Сверху вниз, наискосок!

И тут дверь вдруг раскрылась, и из неё вышел наш управдом Алексей Акимыч в белом костюме. Он прямо остолбенел. И я тоже.

Мы оба были как заколдованные. Главное, я его поливаю и с испугу не могу даже догадаться отвести в сторону шланг, а только размахиваю сверху вниз, снизу вверх, наискосок.

А у него глаза расширились, и ему даже в голову не приходит отойти хоть на шаг вправо или влево... А Мишка качает и знай себе ладит своё: „Красъ давай, быстрей давай!“

И Алёнка сбоку вытанцовывает: „Я индейка! Я индейка!“ – Ужас!

...Да, здорово нам тогда влетело. Мишка две недели бельё стирал.

А Алёнку мыли в семи водах со скипидаром...

Алексею Акимычу купили новый костюм.

А меня мама вовсе не хотела во двор пускать. Но я все-таки вышел, и тётя Саня, Раечка и Нелли сказали: „Вырастай, Денис, побыстрей, мы тебя к себе в бригаду возьмём. Научим, будешь маляром!“

И с тех пор я стараюсь расти побыстрей.

КОНЕЦ

Редактор Е. Кавтиашвили
Художественный редактор А. Морозов

Студия „Диафильм", 1968 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Д-300-68
Цветной 0-30